

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ПОЛЯКА В СИБИРИ (с XVII по XIX в.)

Светлана Мулина

Исследование взаимных представлений поляков и русских имеет значительную историческую традицию. Используя такие категории, как исторический миф и национальные стереотипы, ученые смогли описать образы поляка и русского, рожденные в рамках культурного, лингвистического и политического диалогов, осмыслить влияние этнических стереотипов на польско-русские отношения¹.

Задача воссоздания образа Польши и поляков в ментальности сибиряков формулируется современными исследователями, исходя из признания специфики сибирского видения поляка. Оно формировалось под влиянием отношения к польскому вопросу в центральных регионах России, взаимоотношений Сибири и центра, а также отношения жителей Сибири к польскому населению региона.

Появление поляков на территории Сибири связано с иммиграцией — как правило, насильственного характера. А польская ссылка в Сибири в большинстве своём являлась политической, а не уголовной. Неудивительно, что отношение местного населения к политическим ссыльным исследователи распространяли и на польских невольных переселенцев, отбывавших наказание в Сибири, а отношение к польским ссыльным экстраполировали на всех поляков. Признание позитивного влияния политической ссылки на сибирское общество способствовало появлению в историографии положительного образа польского революционера-просветителя. Ссылные поляки представляли «энтузиастами», «людьми действия», исповедующими «возвышенные

Мулина Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионального развития Омского государственного аграрного университета.

этические идеалы»², в которых российские ссыльные видели «естественных приятелей и союзников»³. В советской историографии рождается образ поляка-революционера, тесно сотрудничавшего с российскими оппозиционерами⁴. Этот тезис определял отношение к ссыльным сибирской общественности: правительство им противодействовало, реакционеры осуждали, а либеральная общественность проявляла сочувствие и стремилась облегчить их участь⁵.

Польские исследователи и мемуаристы были склонны преувеличивать цивилизаторскую миссию соотечественников в Сибири, а также симпатии местного населения к ним. По мнению Ю. Карповича, «поляки считались за благословение этого края». «Тех, которые были приговорены только в ссылку, также как и те, которые после отбытия каторги правительством водворялись по деревням, население приветствовало, благословляя. Сельский староста сдавал им в аренду хозяйство, не только землю, но всякое оборудование, инвентарь, даже... женщину — “на выбор”, только чтобы остались и учили их сельскому хозяйству»⁶. «...Даже попы в церквях во время проповеди говорили: “Благодарите Бога за то, что нам сюда прислал поляков, они нас научили заниматься земледелием”»⁷.

В последние два десятилетия изучение судеб поляков в Сибири заметно активизировалось. Исследователи, остерегаясь столь категоричных оценок, сосредоточили внимание на отдельных аспектах взаимоотношений поляков с местным населением⁸. Однако общей картины формирования и трансформации образа поляка в Сибири в дореволюционный период ещё не сложилось.

Первые относительно крупные группы поляков появляются в Сибири в XVII в. Военнопленные и добровольные переселенцы, они вошли в состав служилого населения в качестве особой категории под названием «литва», или «литвины». Томский историк В. Волков показывает, со ссылкой на архивные источники, что большинство «литвинов» определяли своё происхождение как «родом из Польши», «родом польской земли», «родом поляк» или «польской породы», имея в виду, прежде всего, происхождение с территории единого польско-литовского государства (Речи Посполитой). Лишь немногие сообщали, что их предки вышли из Литвы⁹.

Отношение к «литвинам» вполне укладывалось в отношение сибиряков к другим иноземцам, состоящим на государе-

вой службе в Сибири, а таковых в середине XVII в. насчитывалось уже 5—6 тыс. человек¹⁰. Большинство поляков были зачислены в конные и пешие казаки и несли службу в гарнизонах. Местные власти неохотно шли на обмен пленными. Воеводы пытались оставить поляков в Сибири, склонив к жеманству или обращению в православие, «пообещав повышения и лучшего вознаграждения»¹¹. Оценив их жизненный опыт, культуру и знание военного дела, царская администрация открыла им путь в высшую категорию сибирского служилого сословия — дети боярские. В середине XVII столетия третья часть этой категории населения была представлена поляками¹².

В повседневной жизни сибирское население, особенно служители православной церкви, — пишет В. Ханевич, — отрицательно относились к контактам с «литвою»¹³. Но в случае перехода в православие иноземцы могли рассчитывать на брак с местной уроженкой и достаточно быструю интеграцию в сибирский социум.

О поляках, попавших в Сибирь в XVIII в., нам известно немного. В конце столетия за Уралом оказались ссыльные участники Барской конфедерации (1768—1772) и восстания под предводительством Т. Костюшки (1794 г.). Путь в сибирскую элиту ссыльных поляков уже не был столь прост. Большинство их ожидала служба в сибирских гарнизонах в звании рядовых. Переход в православие неизменно поощрялся, а присягу на верность российской короне поляков заставляли принимать, сначала «достаточно мягкими словами», а потом палками, плетью и батогами¹⁴. Некоторые представители местной элиты проявили интерес к польским мигрантам. Ссыльный участник Барской конфедерации Кароль Любич-Хоецкий вспоминал об уважительном отношении к полякам тобольского губернатора Д. Чичерина, «прекрасного» и «благородно мыслящего» человека, а также «невыразимо любезного» коменданта Тары¹⁵. Да и в целом сибиряки оказались «намного приятнее», нежели население Европейской России¹⁶. Польские ссыльные и дальше будут подчёркивать, что за Уралом отношение к ним было гораздо сердечнее. «Чем ближе мы были к Сибири, тем народ был лучше и милосерднее для нас. Давали нам пироги с капустой или мясом и мяса нам не жалели, а когда нас видели, то говорили “несчастные”»¹⁷. География отношения к полякам, выстраиваемая мемуаристами, позволит З. Либровичу сделать вывод о том, что «чем дальше на Запад, тем хуже поступали с

поляками, и положение ссыльных в Западной Сибири было жестче, нежели в Восточной»¹⁸.

Значительно больше нам известно о пребывании в Сибири около 900¹⁹ польских военнопленных — участников наполеоновских походов. Под «поляками» сибирские чиновники понимали уроженцев польских земель в границах 1772 г. Как правило, власти не испытывали никаких сомнений в идентификации пленных, поскольку документация о ссыльных была представлена довольно исчерпывающе²⁰. Кроме того, военнопленные являлись по большей части католиками и состояли на службе в польском войске.

В Сибири польские военнопленные зачислялись на службу в казачье войско рядовыми. Местные власти выбрали достаточно мягкую политику обращения с прибывшим пополнением. Командир 29-й дивизии генерал-лейтенант Г. Глазенап рекомендовал «исподволь и кротким обхождением приохачивать к службе» поляков; стараться всеми мерами склонять их «ко вступлению в вечное подданство, и, кто объявит желание, немедленно приводить на верность к присяге, без чего никак не позволять вступать в обязанности супружества». «Обучать экзерции пешком и на лошадях с умеренностью, но непременно занимать и доводить к познанию военной дисциплины, требовать от них безмолвного во всём послушания и приличным обращением внушать доверенность и почтение к начальникам»²¹. Поступление военнопленных в вечное российское подданство позволяло полякам обрести благосклонность начальства и давало возможность сделать более быструю карьеру. Г. Глазенап велел причислить таковых поляков в те полки, которые пожелают, и приказал полковым командирам, дабы они «сим верноподданным делали особенное против прочих уважение»²². Поляки Антон Белоскурский и Юрий Зарембо, принявшие российское подданство, были произведены в младшие урядники²³. Присягнувший на верность российскому престолу унтер-офицер Доминик Навродский «за ревностное усердие в службе и склонение товарищей своих на верноподданство России» был произведен в пятидесятники²⁴.

Из числа военнопленных наиболее известны находившиеся в Омске восемь трубачей: Ян Голомбецкий, Юзеф Хан, Валентий Райковский, Францишек Квятковский, Якуб Марцынковский, Валентий Вианский, Шимон Павловский и Игнацы Флек²⁵. По данным З. Либровича, поляки создали в Омске оркестр, ко-

торый своими концертами снискал повсеместное признание, а Ф. Квятковский основал школу трубачей, готовивших музыкантов для всех казачьих полков²⁶. Участники омского оркестра, вместе с другими пребывающими там поляками, внесли в культурный климат Омска живительную ноту, почтя своим присутствием дома российской интеллигенции²⁷. Но в целом, преобладание в среде пленных лиц низших сословий и отсутствие образования у большинства невольных переселенцев позволяют согласиться с польскими исследователями З. Вуйчиком и А. Кучинским, что военнопленные поляки — участники наполеоновских войн, «не оказали ощутимого влияния на цивилизацию территорий, расположенных на восток от Урала»²⁸.

Иное дело — ссылка участников восстания 1830—1831 гг. и различных конспиративных кружков первой половины XIX в. На этот раз в сибирскую ссылку попало несколько тысяч человек, и среди них представители шляхты, обладающие хорошим образованием и связями с польской и российской аристократией. Среди них, например, были Петр Мошинский, Роман Сангушко, Юлиан Сабиньский. Покровительство местного чиновничества создавало благоприятную почву для доброго отношения к ссыльным полякам со стороны обывателей. В своих воспоминаниях П. Мошинский писал, что первоначально большая часть жителей Тобольска оказывали ему пренебрежение и даже враждебность. Но когда он был приглашен в дом губернатора Вельяминова, ситуация изменилась. Чиновники и царские офицеры начали массово приглашать П. Мошинского к себе²⁹. Государственный преступник, лишённый графского достоинства и дворянства, достаточно качественно обустроил свой быт в Сибири: арендовал дом; содержал лошадей и слуг; посещал балы и концерты; развернул широкую филантропическую деятельность среди ссыльных. Кроме нот, книг, столового серебра и других предметов первой необходимости и роскоши³⁰, П. Мошинскому ежемесячно выдавали на содержание 3 тыс. руб., присланных ему из имения, хотя по закону государственный преступник должен был получать ежегодно на расходы в первый год две тысячи, а в последующие — по одной. Но в целом как П. Мошинский, так и Р. Сангушко старались соблюдать предписания, ограничивающие ссыльных, и не раздражали власти без нужды³¹.

Польские ссыльные рассматривались в Сибири как «привилегированное сословие», став ярким примером «этническо-

го фаворитизма». Несмотря на противодействие центра, местная власть пытается использовать образовательный и духовный потенциал поляков для решения кадровых вопросов. В данном случае соединились потребности региона и самих ссыльных, для которых обучение и различного рода умственный труд стали наиболее доступным занятием, поскольку не требовали никаких практических навыков. Многие ссыльные трудились учителями и гувернерами³². Так, в Тобольске Аполлон Гофмейстер «при совершенном недостатке преподавателей музыки и по усиленному приглашению родителей давал в трёх или четырёх домах их дочерям уроки игры на фортепиано. Посещал по часам и по всеобщему отзыву везде оказывался человеком нравственным и отличной скромности»³³. В Омске Осип Опенский давал уроки музыки, Александр Мирецкий — французского языка, Киприян Вонсович — рисования. В Томске политический преступник Толь занимался обучением детей бывшего председателя казённой палаты Политковского русской грамоте и языку. В Иркутске Юлиан Сабиньский преподавал в некоторых частных домах, Адам Гросс давал уроки музыки, а жена политического преступника Тулинского Констанция воспитывала трёх дочерей директора Кяхтинской таможни Федоровича.

В глазах сибиряков поляки выступали как культурная и прогрессивная нация. Польскими качествами считались: бунтарский дух борьбы за свободу и справедливость; образованность, интеллигентность; воспитанность, культурность; рыцарство в обращении с женщинами³⁴. «Хорошие, гостеприимные и деликатнейшие люди» — писал А. Чехов о встречавшихся в ему в Сибири бывших ссыльных 1863 г.³⁵

Добровольные польские переселенцы были представлены на гражданской и военной государственной службе³⁶. Став одним из деятельных элементов сибирской власти, они участвуют в формировании взглядов местной общественности на поляков, а также в выработке управленческого курса по отношению к польским ссыльным.

После восстания 1830—1831 гг. центральные власти попытались усилить контроль над использованием польского труда на государственной службе. Например, 31 декабря 1841 г. МВД обратилось к генерал-губернатору Западной Сибири с требованием учредить секретный бдительный надзор за всеми медиками, выпущенными из Виленской медико-хирургической

академии с 1835 по 1840 г.³⁷ В Западной Сибири таковых было двое: пелымский лекарь Никодим Баландович и берёзовский лекарь Игнатий Вакулинский. В 1841 г. у них, а также у невесты Вакулинского польской дворянки Ржонжевской и живущей вместе с ней дворянки Фелинской был произведён обыск³⁸. Ничего предосудительного в изъятых бумагах найдено не было. И местные органы власти встали на защиту польских врачей. В частности, они подчёркивали, что лекарь Баландович недавно женился на дочери довольно уважаемого туринского гражданина, и это может служить гарантией, «что вступая в недра русского семейства, он не будет продолжать связей и сношений, столь отвратительных русским сердцам»³⁹.

Массовость польской ссылки после восстания 1830—1831 гг., в частности, большое скопление поляков на службе в Отдельном сибирском корпусе⁴⁰, породила в Сибири «эффект польской опасности». Сибирские власти начинают опасаться выступлений со стороны ссыльных и слияния таких выступлений в общесибирский бунт. В Омске бывают «сходбища поляков и траткации (планы) о побеге через Степь в Бухарию», — докладывали генерал-губернатору в 1833 г.⁴¹ О беспорядках среди ссыльных генерал-губернатор Западной Сибири П. Горчаков уведомил иркутского генерал-губернатора И. Цейдлера, а тот, в свою очередь, енисейского — И. Ковалева. И скоро во всей Сибири полиция была поднята на ноги⁴².

Архивные материалы позволяют реконструировать механизмы создания и функционирования в Сибири мифа о польской опасности. Его проявлением стали многочисленные доносы: о намерении поляков поднять мятеж; организовать массовый побег до азиатских окраин и далее в Европу; об организации всесибирского восстания с целью отделения Сибири от России, завоевания Китая и всей Азии. В настоящее время историки доказали безосновательность доносов и последующих попыток историков связать «омское дело» с «экспедицией Заливского» (1832 г.), событиями в Оренбурге (1833 г.) и Астрахани (1834 г.). Разговоры о восстании и возможном коллективном побеге в среде ссыльных, безусловно, велись. Но то, что в глазах администрации и местного населения они приобрели форму реальной угрозы, говорит о существовании в массовом сознании слишком политизированного стереотипа, в рамках которого поляки виделись как угроза империи. Восстание 1863 г. усилит эту тенденцию. Стремление связывать на-

циональные и социальные катаклизмы России с польским влиянием станет «одной из особенностей политического менталитета русского общества»⁴³.

Изменяются критерии внешней и внутренней идентификации поляков. Место рождения и религиозная принадлежность остаются основной чертой польскости. В административной переписке поляки часто фигурируют как «уроженцы Царства Польского и Западных губерний» или же как «лица католического исповедания». При этом уроженцы Западных губерний в глазах сибиряков сливались с прибывшими из Королевства Польского и идентифицировались как поляки⁴⁴.

Одновременно можно констатировать, что внутри ссылки фактор происхождения давал себя знать в различных проявлениях региональной идентичности. Э. Чапский выделяет «конгрессовяков» — уроженцев Королевства Польского; «литвинов», «жмудов»; «русинов» — выходцев с Киевской, Волынской и Подольской губерний; «немцев» — представителей Великого княжества Познанского, и фиксирует, что происхождение оказывалось важным фактором, объединявшим и разъединявшим поляков⁴⁵.

Жители различных областей Речи Посполитой часто не поддерживали между собой контактов⁴⁶. В воспоминаниях, описывая местное сообщество изгнанников, ссыльные непременно отмечали наличие или отсутствие земляков. «...Здесь много подолян, включая подольского помещика Биневича...» — фиксировала К. Медунецкая свои первые впечатления о городе Ялуторовске⁴⁷. Генрих Новаковский, жалуясь на проблемы взаимоотношений внутри тобольской колонии, противопоставлял уроженцев Минской губернии остальной польской диаспоре. «Не знаю, как в Томске, но у нас минчуки именуются “минским народом”», — писал он, подчёркивая, что всегда скучает и более любит своих, «да и нужно же знать народец!»⁴⁸. Но в отношениях с принимающим обществом на первый план выходила польскость, подкрепляемая статусом ссыльного. «Краёвый литвин уступал место поляку», и такой процесс имел место, прежде всего, среди католической шляхты⁴⁹.

В деле этнической идентификации польских ссыльных фактор происхождения практически теряет своё значение. Увеличение числа ссыльных сопровождалось ухудшением качества их учёта. Данные о происхождении политического

преступника часто отсутствовали. При водворении ссыльных опрашивали только о возрасте, социальном происхождении, роде занятий на родине и физическом положении, чтобы безошибочно причислить их к определенной категории, а вопрос о месте проживания и национальной принадлежности не поднимался⁵⁰.

На первое место в плане идентификации выходит содержание вины осуждённого. Все причастные к мятежу 1863 г. получали статус «политических преступников». Последние, в свою очередь, приравнивались к полякам⁵¹. Существовал и обратный процесс, когда поляков приравнивали к политическим преступникам. А поляка служащего мало отличали от поляка сосланного⁵².

Рядом с поляком появляется фигура «ополячившегося». Под этой характеристикой понимался не феномен аккумуляции, а подверженность политическому влиянию поляков, чаще обнаруживаемая в виде лояльности или потворства «ссылному элементу». Ведомственная переписка заполняется рассуждениями о русскости и польскости тех или иных чинов. В основе построений лежало исключительно субъективное мнение высказывающихся лиц, облакаемое в цепочку популярных идеологических штампов. В результате появляется образ чиновника — поляка и католика, который «враждебен России», «проникнут польскими тенденциями»⁵³, является личностью весьма подозрительной⁵⁴, иногда человек дельный и полезный, но за его благонадёжность в политическом отношении всё же поручиться нельзя⁵⁵ и даже, если сам он православный, то жена его — «рьяная полька»⁵⁶. В административной переписке поляки наделялись такими качествами, как агрессивность, враждебность, хитрость, ловкость, изворотливость.

Сочувствие ссыльным со стороны русских чиновников жандармы объясняли корыстью⁵⁷. Но материальный фактор оказался явно недостаточным в контексте русско-польского противостояния. Так, если действия тобольского губернатора А. Деспот-Зеновича жандармы могли списать на польское происхождение и католическое вероисповедание, то томскому губернатору — неполяку Г. Лерхе полковник корпуса жандармов В. Рыкачев пытается приписать наличие любовницы-польки.

Наибольшие подозрения вызывали чиновники, деятельность которых была связана с обеспечением надзора за ссыль-

ными (почта, полиция) и чиновники сферы образования. Служащие поляки подвергались бдительному контролю администрации. Главное управление Западной Сибири рекомендовало не принимать польских уроженцев на службу в военные учебные заведения⁵⁸. А генерал-губернатор А. Хрущов обратился в Петербург с просьбой: не назначать более в Западную Сибирь медиков польского происхождения и перевести из региона всех чиновников почтового ведомства католического исповедания⁵⁹. Многие чиновники были уволены, невзирая на ущерб, который при этом терпело делопроизводство. Например, к апрелю 1867 г. все штатные должности в Томской палате, за исключением только журналиста, замещены лицами русского происхождения, и лишь несколько поляков занимались перепискою бумаг по вольному найму⁶⁰.

Как и в 1830-е гг., власти получают большое количество доносов. Их содержание сводится к потворству полякам со стороны местной администрации, наличию в Сибири польской тайной организации и подготовке ссыльными поляками восстания. Эти темы были на слуху общественности ещё со времён «Омского дела». Фактически доносчики использовали образы, созданные самой властью.

Содержание доносов следствие не подтвердило, но отношение сибиряков к ссыльным ухудшилось. Полиция в Тобольске постоянно следила, чтобы нигде в частных домах не собирались компании более трёх — пяти человек, «поэтому каждый из служащих, опасаясь подвергнуться ответственности, начал удаляться от общества поляков и прекращать знакомства»⁶¹. По свидетельству ссыльного Гедройца, жители Томска так были напуганы действиями властей, что отказали всем полякам, находившимся у них на службе⁶².

Готовность населения поверить польской угрозе продемонстрировали сибирские пожары 1864 г. Подозрение в поджогах пало на поляков. Полиции подчас не удавалось ограждать ссыльных от незаслуженных оскорблений; имели место их открытые столкновения с местным населением. По свидетельству курганского городничего Карпинского, вражда между местными жителями и ссыльными поляками была развита настолько, что «каждый житель видел в поляке кровного врага себе, злые нелепые толки поддерживали эту вражду». На рынке за деньги местные жители не продавали полякам съестных припасов, опасаясь, что поляки их «очаруют» и

посредством передачи денег нанесут им какое либо зло⁶³. В Омске всем политическим преступникам польского происхождения рекомендовали «держаться совершенно спокойно и не подавать ни малейшего повода местным жителям к какому-либо подозрению»⁶⁴. Из Томска по подозрению в поджогах было выслано 94 поляка. Когда следствие доказало их непричастность, полякам разрешили вернуться в город⁶⁵. Но общественное мнение на этом не успокоилось. Г. Потанин в письме упоминает, что уже в 1865 г. был пущен слух о том, что поляки составили заговор: «В христовскую заутреню запереть церкви с молящимися православными и зажечь город»⁶⁶. Многие почтенные особы не решились быть у заутрени. Полицейстер расставил часовых с ружьями у церковью, а две роты были размещены цепью вокруг города с ружьями, заряженными боевыми патронами.

Связь поляков с пожарами оказалась в общественном мнении очень живучей. Примером могут служить пожары в Барнауле в 1870 г. Общественный ажиотаж вокруг польской ссылки к тому времени уже спал, однако пожары вновь ожесточили местное население, открыто заявлявшее, что «они сожгут или убьют» проживавших в Барнауле польского ссыльного Венцлавовича, отставного почтмейстера Аргиляндера, прусского подданного Могинского и мещанина из поляков Михайловского, подозреваемых в поджогах. Для успокоения народа указанные лица были высланы из города⁶⁷.

В качестве очевидных реалий, толкавших массовое сознание к мифотворчеству на тему польской опасности, следует назвать прежде всего большое скопление поляков в ряде областей. Так, почвой для слухов о том, что в Нелюбинской и Богородской волостях ссыльные имеют большой запас оружия и собираются поднять восстание, чтобы пробраться в Польшу, являлось скопление около ста польских ссыльных на стеклянном заводе купца Исаева. По версии жандармов, управляющий заводом поляк М. Дамский русских рабочих заменял ссыльными поляками, под предлогом того, что поляки работают лучше и за меньшую плату⁶⁸. Случаи массового использования рабочей силы поляков, о которых жандармам становилось известно, по возможности ликвидировались.

Обывателей вводило в заблуждение несоответствие статуса ссыльного и то место в обществе, на которое поляки иногда претендовали благодаря благородному происхождению, обра-

зованию, связям. Интересно замечание полковника корпуса жандармов В. Рыкачева о том, что полякам оказывается предпочтение при назначении на чиновничьи должности — под предлогом, что они будто бы «благороднее»⁶⁹. Здесь мы также видим негативную реакцию на несовместимость дворянского происхождения большей части поляков и статуса ссыльного. Обостренное национальное самолюбие требовало сатисфакции. Местные чиновники бросились на борьбу со «шляхетским гонором», шляхетскими непомерными требованиями⁷⁰.

Местная администрация, будучи стеснена в средствах, многие проблемы в деле осуществления надзора за ссыльными, перевозки арестантов перекладывала на плечи обывателей. Население, пытаясь избавиться от обременительных обязанностей, умышленно распускало лживые слухи о своих подопечных. Именно так можно объяснить жалобы ямщиков, поставленных в сложную ситуацию массовым наплывом ссыльных и низкой оплатой своих услуг правительством. Они говорили, что арестанты принуждают ехать по их усмотрению, когда шагом, а когда во весь мах; что поляки бьют палками и хлыстами тех подводчиков, которые не исполняют их требований, приказывают останавливаться не у этапных зданий, а в деревнях; силою врываются в дома крестьян и, располагаясь там господами, требуют, что заблагорассудится⁷¹.

Сами поляки при каждом удобном случае повторяли угрозу весной отомстить восстанием в Западной Сибири за их ссылку. «Угроза эта, хотя и нелепа — пишет Г. Лерхе, — тем не менее, видя совершенное бессилие власти над поляками, следующими в партиях, угроза эта должна находить и находит веру в умах простолюдинов»⁷².

Во второй половине XIX в. изменяется профессиональный облик польской диаспоры в регионе. Кроме интеллектуальных и культурных видов деятельности поляки массово начинают заниматься ремеслом и торговлей. Газета «Край» со ссылкой на «Восточное обозрение» писала, что большинство поляков представляет собою людей «работящих и честных»; наилучшие столяры, слесари, фотографы были поляками⁷³. Коммерческая жилка делает поляков в глазах сибиряков ловкими и изворотливыми⁷⁴, чем-то напоминающими евреев — как, например, богатый пан Залесский, содержавший кабак в Ишиме. «Окулачился до мозга костей; дерет со всех», «не едет на родину из жадности, из жадности терпит снег в Николин день» — писал

А. Чехов, — «но всё-таки пан чувствуетея и в манерах, и в столе, во всём»⁷⁵.

В то же время не были реализованы надежды властей на участие польских ссыльных в колонизации края⁷⁶, и образ поляка в глазах сельских жителей часто оказывался достаточно неприглядным. «...Старожилы вообще смотрят недружелюбно на переселенцев, даже русского происхождения — докладывал коллежский советник М. Попов, — но к полякам они имеют ещё больше претензий... и смотрят на них не как на колонизаторов, а как на сосланных поселенцев»⁷⁷. Старожилы считали поляков работниками «весьма плохими» и, если нанимали их на работу, то, в основном, пасти скот, а зажиточные крестьяне — как мастеровых. Были случаи, что крестьяне отказывали ссыльным в каких бы то ни было занятиях, уклонялись от всяких контактов с ними.

Нельзя забывать и о тех ссыльных, которые так и не смогли найти собственную нишу в принимающем обществе: о нищих, бродягах, безработных, склонных к всякого рода общественным порокам. Присутствие в среде ссыльных большого количества людей безнравственных, совершающих кражи и разные иные преступления, побудил иркутские власти разделить поляков на три категории⁷⁸. Те, кто имел дом, постоянную работу и был совершенно благонадёжен, могли остаться в городе. Те, кто имел дом, занятия, но был неблагонадёжен, а также поляки, не имеющие ни дома, ни постоянной работы, высылались из города. Правда, первым предоставлялось время для упорядочивания своих дел перед отъездом.

В конце XIX — начале XX вв. польское население Сибири составляло, по данным переписи 1897 г., 23985 человек⁷⁹, но теперь поляки теряются и в общем потоке политических ссыльных, и в общем потоке добровольных переселенцев. Польская активность проявляется в формировании польских землячеств, школ, римско-католических благотворительных обществ. Представители польской диаспоры и сибиряки бывали друг у друга во время семейных и религиозных праздников, нередко объединяли усилия для проведения важных городских мероприятий и помощи нуждающимся. Российские власти не ограничивали какие-либо формы самоорганизации поляков, за исключением политических⁸⁰. Горожане охотно принимали участие в культурных мероприятиях, организованных поляками. Например, в Омске танцы и польские вечера получили при-

знание среди российского общества из-за очень тщательного и изысканного оснащения, и местное католическое благотворительное общество имело от этих мероприятий хороший доход⁸¹.

Применительно к этому периоду важно определиться с отношением сибирского населения к добровольным польским переселенцам (со стороны местной администрации и крестьян-старожилов). По мнению С. Леончика, в поляках российские власти видели важный потенциал для колонизации Сибири. Эта позиция достаточно интересна, т. к. в предшествующий период попытки властей превратить ссыльных участников Январского восстания (1905 г.) в земледельцев оказывались довольно плачевны⁸².

Земельный голод, заставивший переселиться в Сибирь, сильнее, чем других, привязывал польского крестьянина к земле, считает местный исследователь Л. Островский. Поляки составляли меньшинство среди возвращающихся из Сибири, поэтому царские власти придавали большое значение польским переселенцам, когда речь шла о колонизации региона⁸³. Польские крестьяне довольно удачно здесь обустроивались. По данным Л. Островского, в конце XIX — начале XX вв. только в Томской губернии было более 60 населенных пунктов, где проживали польские переселенцы в количестве 20 и более человек⁸⁴.

По-разному складывались отношения со старожилами. По информации газеты «Край», польские крестьяне села Гриневичи Тарского уезда успешно вели хозяйство и помогали старожилам в неурожайные годы⁸⁵. Другие источники отмечают наличие внутренних конфликтов между поляками и переселенцами из разных частей империи, а также трения со старожилами. Так, будущие жители посёлка Деспотзиновка, состоящие в основном из числа бывших ссыльных участников Январского восстания, обращаясь к властям с просьбой об отводе отдельного участка земли, ссылались на «притеснения со стороны старожилов в разных лиших, с их точки зрения, мирских поборах», а также на бытовую и религиозную рознь⁸⁶. Возможно, в их основе лежит фактор ограниченности земельных ресурсов в наиболее благоприятных для хлебопашества районах Сибири и обычная рыночная конкуренция.

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод, что различные общественные слои сибирского населения по-разному оценивали польскую диаспору. Институты власти и управления

также имели существенные расхождения во взглядах на роль и место поляков в сибирском социуме. Несмотря на это, мы можем говорить о превалировании того или иного этнического стереотипа в определенный отрезок времени.

Трансформация представлений о поляках во многом определялась изменением самой структуры польской диаспоры в регионе. Образ поляка — служилого человека, помогающего завоевать Сибирь для Московского царя, сменяется образом поляка-чиновника, а затем — ремесленника и торговца. Внутри каждой сферы деятельности её представители наделялись универсальными положительными и отрицательными характеристиками, применяемыми не только к полякам, но и к членам иных этнических групп, реализующих себя в той или иной профессии. Образ поляка-ссыльного тоже не был статичным, отражая, прежде всего, изменения в социальном составе осуждённых. В глазах свободного населения ссыльные постепенно утрачивали хорошую репутацию.

Всплеск полонофобских настроений в сибирском обществе наблюдается в 1830-е и 1860-е гг. Он не был спровоцирован случаями неповиновения поляков в Сибири, их дезертирством, побегами, заговорами, что имело место в более ранний период⁸⁷. Распространённости негативных стереотипов способствовали массовая ссылка польского населения, подъем общественной активности в регионе, усложнение взаимоотношений Сибири с центром, а также ожесточение польско-российского противостояния на западных рубежах империи. Проводником подобных настроений станут центральные органы власти и управления, а также тесно связанная с ними структура жандармского ведомства⁸⁸.

И всё же образ поляка, выстраиваемый властью и официальной пропагандой, отличался от представлений о поляках самого сибирского населения, которые формировались в процессе совместной жизнедеятельности. Социальные связи между представителями двух народов (брачные, хозяйственные, культурные, криминальные и пр.) вносили свои коррективы, делая образ поляка более сложным и многогранным. Большой удельный вес представителей привилегированных сословий, высокий уровень образования ссыльных повстанцев существенно повышали этносоциальный, этнопрофессиональный и этнокультурный статус поляков. В то же время их этнополитический статус в условиях ссылки оставался низким. В итоге поляк

котировался как деловой партнёр, но проигрывал как партнёр брачный. Сибирячки охотно шли замуж за поляков, но последние, как правило, могли рассчитывать лишь на союз с представительницами низших сословий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., напр.: *Giza A. Polaczkowie i Moskale. Wzajemny ogląd w krzywym zwierciadle (1800—1917)*. Szczecin, 1993; *Polacy w oczach Rosjan — Rosjane w oczach Polaków. Zbiór studiów*. Red. R. Bobryk i J. Faryno. Warszawa, 2000; *Polska w Rosji — Rosja w Polsce. Dialog kultur. Praca zbiorowa pod redakcją R. Paradowskiego, Sz. Ossowskiego*. Poznań, 2003, и др.
- ² *Пилсудский Б.* Поляки в Сибири // *Сибирь в истории и культуре польского народа*. М., 2002. С. 13—30.
- ³ *Janik M. Dzieje polaków na Syberji*. Kraków, 1928 // *Biblioteka Zesłańca*. Warszawa — Wrocław, 1991. S. 403.
- ⁴ *Митина Н.П.* Во глубине сибирских руд (К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте). М., 1966; *Коваль С. Ф.* За правду и волю. К столетию восстания политических ссыльных в Сибири в 1866 г. Иркутск, 1966.
- ⁵ *Фильгус В.Е.* Деятели русского и польского освободительного движения 60-х годов XIX в. в Тобольской губернии // *Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в.* М., 1968.
- ⁶ *Imć pana rotmistrza Józefa Karpowicza powstańca z r. 1863 wspomnienia*. Spisał Jan Obst. Wilno, 1928. S. 173.
- ⁷ *Ibid.* S. 164.
- ⁸ См., напр.: *Ендрыховска Б.* Образ польских ссыльных после восстания 1863 г. в «Иркутских губернских ведомостях» (1863—1873) // *Польская ссылка в России XIX—XX веков: региональные центры*. Казань, 1998; *Качинска Э.* Политические ссыльные и уголовные преступники. Столкновение двух миров // Там же.
- ⁹ *Волков В.Г.* Поляки — основатели населенных пунктов Томского уезда. XVII—XVIII века // *Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития*. Материалы VII Международной научно-практической конференции, посвящённой 90-летию Омского государственного аграрного университета и 180-летию агрономической науки в Западной Сибири (27—28 марта 2008 г., Омск). В 3 ч. Омск, 2008. Ч. 1. С. 368—369.
- ¹⁰ *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий (история Сибири в биографиях и родословных). Новосибирск, 1993. С. 83.
- ¹¹ *Ханевич В.А.* Католики в Кузбассе (XVII—XX вв.). Очерк истории, материалы и документы. Кемерово, 2009. С. 17.
- ¹² В 1645 г. среди детей боярских было до 32% поляков, а в 1667 г. — около 35%. См.: *Люцидарская А. А.* Служилые поляки в Томске (по материалам XVII столетия) // *Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы*. Сб. материалов международной научной конференции. Иркутск, 2001. С. 107.
- ¹³ *Ханевич В.А.* Католики в Кузбассе (XVII—XX вв.)... С. 16.
- ¹⁴ *Lubicz-Chojeccki K. Pamięć dzieł polskich. Podróż I niepomysłny sukces Polaków*. Na podstawie pierwodruku z 1789 roku wydali oraz przypisami i komentarzami

- opatrzyli Antoni Kuczynski i Zbigniew J. Wojcik. Bagno — Warszawa — Wrocław, 1997. S. 76.
- ¹⁵ Ibid. S. 66, 72.
- ¹⁶ Высказывание К. Любич-Хойецкого. См.: *Librowicz Z. Polacy w Syberii*. Kraków, 1884 // Biblioteka Zesłańca. Wrocław, 1993. S. 61.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid. S. 157.
- ¹⁹ *Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny polaków*. Rys historyczny. Antologia. Kraków, 2007. S. 75.
- ²⁰ Например, формулярный список сибирского линейного казачьего войска 10-го полка об определенных из военнопленных поляков казаках от 23 марта 1814 г. См.: Исторический архив Омской области (далее — ИсаОО). Ф. 67. Оп. 1. Д. 44. Л. 246—251.
- ²¹ Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 44. Л. 13 об. 13 а.
- ²² Там же. Ф. 67. Оп. 1. Д. 46. Л. 13—13 об.
- ²³ Назначение А. Белоскурского Г. Глазенап мотивировал следующим образом: «Уважая поступление его в вечное России подданство, принятие на верность присяги и за расторопность». См.: ИсаОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 46. Л. 14.
- ²⁴ *Магерамов А.А. Военнопленные «Великой армии» на службе в Сибирском линейном казачьем войске* // http://artofwar.ru/m/maa/text_0140.shtml.
- ²⁵ ИсаОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 44. Т. 1. Л. 27—137.
- ²⁶ *Librowicz Z. Polacy w Syberii...* S. 81.
- ²⁷ *Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory...* S. 75.
- ²⁸ *Кучинский А., Вуйчик З. Ожидания и свершения. Цивилизаторская деятельность поляков в Сибири (XVII—XIX)* // *Сибирь в истории и культуре польского народа*. Пер. с польского. М., 2002.
- ²⁹ *Biliński P. Obraz miasta i mieszkańców Tobolska w pamiętnikach Piotra Moszyńskiego* // *Polacy w nauce i kulturze Tomska oraz Syberii Zachodniej*. Wrocław, 2008. S. 303—304.
- ³⁰ Например, 3 мая 1830 г. на его имя в Тобольске были получены рояль, а 30 августа — коляска и шесть ящиков виноградного вина. См.: ИсаОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17877. Л. 18—18 об.
- ³¹ *Słiwowska W. Ucieczki z Sybiru*. Warszawa, 2005. S. 46.
- ³² Подр. см.: *Jędrychowska B. Polscy zesłańcy na Syberii (1830—1883). Działalność pedagogiczna, oświatowa i kulturalna*. Wrocław, 2000.
- ³³ ИсаОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18336. Л. 9—11.
- ³⁴ *Шостакович Б.С. К постановке задач изучения сибирских полоний в историческом прошлом и настоящем* // *Полонии в Сибири, в России и в мире: проблемы изучения. Материалы международного научного симпозиума (Иркутск, 8—12 сентября 2004 г.)*.
- ³⁵ Фрагмент письма А.П. Чехова. Томск, май 1890 г. // *Сибирская старина*. 1997. № 12 (17). С. 19.
- ³⁶ *Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku*. Pod red. A. Kuczyńskiego. Wrocław, 2007.
- ³⁷ ИсаОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2030. Л. 1.
- ³⁸ Там же. Оп. 13. Д. 18121.
- ³⁹ Там же. Л. 4.
- ⁴⁰ В 1833 г. в личном составе корпуса находилось 27655 русских и 2296 поляков, причём в числе первых было более 4420 штрафников и осужденных по судебным приговорам. См.: *Нагаев А.С. «Омское дело» 1832—1833 гг.* Красноярск, 1991. С. 30.

- ⁴¹ ИсаОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 283. Л. 27.
- ⁴² *Śliwowska W.* Ucieczki z Sybiru... S. 70.
- ⁴³ *Горизонтов Л.Е.* Поляки и нигилизм в России // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 147.
- ⁴⁴ Из общей массы польских ссыльных власти пытаются вычленить только иностранных подданных. Евреи, осужденные за участие в мятеже, в статейных списках в графе о религиозной принадлежности помечались как «евреи» или «иудеи». А в делопроизводственной документации чаще использовалось словосочетание «еврей из поляков» или «поляк из жидов» (ИсаОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18510. Л. 9.). Первое высказывание выделяло еврея из среды поляков, а второе, напротив, подчёркивало его польскость.
- ⁴⁵ *Czapki E.* Zesłańcy Polscy w Siewakowej // Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków 1815—1914. Орг. А. Brus, Е. Kaczyńska, W. Śliwowska. Warszawa, 1992. S. 266.
- ⁴⁶ *Сливовская В.* Молитвенники польских ссыльных как источник сведений о судьбах поляков Восточной Сибири // Сибирско-польская история и современность... С. 72.
- ⁴⁷ К. Медунецкая — М. Жаба. Ялуторовск // ИсаОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7921. Т. 3. Л. 558.
- ⁴⁸ Генрих Новаковский — Антону. Тобольск, 27 июля 1865 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 109. 1 экспедиция. 1866. Д. 217. Ч. 3 Л. «Г». Т. 4. Л. 121 об.
- ⁴⁹ *Михалюк Д.* Белорусские дороги в Сибирь в XIX—XX веках. Проблема национальной идентификации в период формирования национального самосознания // Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития... С. 57.
- ⁵⁰ ИсаОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6314. Л. 4.
- ⁵¹ «...Остановимся на сосланных за политические преступления, то есть поляках». См.: *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. В 3-х частях. Ч. III. Политические и государственные преступники. Издание второе, исправленное и дополненное. СПб., 1871. С. 1.
- ⁵² ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1866. Д. 217. Ч. 3. Л. «Б». Т. 1. Л. 502.
- ⁵³ Херсонский губернатор о семействе Ямонт, чиновниках Манчете и Случевском // Там же. Ч. 2. Л. 18—19.
- ⁵⁴ Майор Тиц о томском следственном приставе Филиповиче // Там же. Ч. 7. Л. 19.
- ⁵⁵ Майор Тиц о томском полицмейстере Стоцком // Там же.
- ⁵⁶ Характеристика берёзовского почтмейстера Лазаревича // ИсаОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7677. Л. 1.
- ⁵⁷ Там же. Л. 18 об.
- ⁵⁸ ИсаОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 156. Л. 13 — 13 об.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1866. Д. 217 Ч. 7. Л. 37.
- ⁶⁰ Там же. Л. 29—29 об.
- ⁶¹ Там же. Ч. 3. Л. «Б». Т. 2. Л. 502 об.
- ⁶² Г.Мацкевич — Ямонтом. Омск, 20 января 1866г. // ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1866. Д. 217. Ч. 3. Л. «Б». Л. 111.
- ⁶³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 125. Л. 109 об.
- ⁶⁴ ИсаОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 487. Л. 29 об.
- ⁶⁵ *Сапаралиев Г.С., Дьяков В.А.* Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971. С. 198.
- ⁶⁶ Г.Н. Потанин — Ф.Н. Усову. 8 апреля 1865 г., Томск // *Потанин Г.Н.* Письма. Т. 1. Иркутск, 1977. С. 42.

- ⁶⁷ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 9469.
- ⁶⁸ Там же. Оп. 4. Д. 6715. Л. 19—21 об.
- ⁶⁹ Там же. Оп. 13. Д. 18510. Л. 7.
- ⁷⁰ Там же. Оп. 9. Д. 13641. Л. 38 об. — 39.
- ⁷¹ Там же. Оп. 4. Д. 5706.
- ⁷² Там же. Д. 5706. Л. 14 об.
- ⁷³ Kraj. Tygodnik polityczno-społeczny. Petersburg, 25 grudnia 1882 r. (6 stycznia 1883 r.). Rok 1. № 26. S. 16.
- ⁷⁴ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5727. Л. 82, 82 об.
- ⁷⁵ Фрагмент письма А.П. Чехова. Томск. Май 1890 г... С. 19.
- ⁷⁶ Подр. см.: *Mulina S. A. Zesłańcy — uczestnicy powstania styczniowego i ich udział w rolniczym zagospodarowaniu Syberii* // Wrocławskie Studia Wschodnie. Wrocław, 2007. № 11.
- ⁷⁷ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7883. Л. 165 об. — 167.
- ⁷⁸ Kraj. Tygodnik polityczno-społeczny. Petersburg, 19 (31) grudnia 1882 r. Rok 1. № 25. S. 15.
- ⁷⁹ *Скубневский В.А.* Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Польская ссылка в России XIX—XX веков: региональные центры... С. 171.
- ⁸⁰ *Kuczyński A.* Syberia. 400 lat polskiej diaspory... S. 469.
- ⁸¹ *М.В.* Польские колонии в Сибири. (Собственный корреспондент «Иллюстрированного еженедельника»). Омск // Иллюстр. ежегодник. 1907 г. 1-ое полугодие. № 7. С. 148—149.
- ⁸² *Мулина С.* Почтовая станция Сибирь. Сегодня польский бунтовщик, а завтра русский земледелец... // Родина. М., 2006. № 4.
- ⁸³ *Островский Л.К.* Польские крестьяне в Сибири на рубеже XIX—XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2009. № 2. С. 39.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Цит. по: *Островский Л.К.* Польские крестьяне в Сибири (1890-е—1930-е гг.) // Сибирско-польская история и современность... С. 122.
- ⁸⁶ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 посёлков. Москва, 1895. С. 379—380.
- ⁸⁷ См., напр.: *Оглоблин Н.Н.* Заговор Томской литвы в 1634 г. Киев, 1894.
- ⁸⁸ Подр. см.: *Мулина С.А.* Польская ссылка в Западной Сибири: полицейский надзор и ведомственная борьба // Проблемы российской истории. Вып. 7. Москва-Магнитогорск, 2006.